

УДК 903.7.031

Л.В. ЛБОВА

**ФОРМЫ ЗНАКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В КУЛЬТУРАХ
РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ***Новосибирский государственный университет
e-mail: lbova@archaeology.nsc.ru

Проблемы происхождения и природы поведенческого комплекса человека современного анатомического типа являются одними из самых дискутируемых в эволюционных исследованиях человека в наше время. В статье предложены материалы комплексов памятников начальной стадии верхнего палеолита Сибири, свидетельствующие о различных формах символической активности человека. В целом артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом отношении древнейшего комплекса предметов с устойчивой системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Сибирские материалы корректно выглядят в стадильном и территориальном контекстах.

Ключевые слова: знаковое поведение, культура, верхний палеолит, поведенческий комплекс, человек современного физического типа, Сибирь.

В последнее время одной из важных тем в эволюционных исследованиях человека является проблематика происхождения и природы комплекса современного поведения. Значительный вклад в развитие дискуссии был внесен исследованиями в Европе и Африке [1–3]. В новых концепциях все больше подчеркивается значение региональных данных, что позволяет предполагать неоднородное выражение поведенческого комплекса человека в эпоху палеолита и надеяться на методологическое определение поведенческих стратегий на археологических материалах.

Определение комплекса современного поведения на материалах палеолитических объектов, предложенное Полом Мелларсом [4], сегодня выглядит не вполне актуально; особенно в части моделирования знакового (символического) поведения как основного признака, присущего поведению *Homo sapiens sapiens*. Необходимо учитывать доказательства формирования нейрофизиологических предпосылок знакового поведения задолго до начала верхнего палеолита, и, возможно, знаковое поведение было присуще не только человеку современного физического типа [5]. Географическое распространение и хронология древнейших свидетельств символической деятельности, предполагающие полицентрический генезис, не исключает того, что характер, формы и функции знакового поведения могут не совпадать. Ряд исследователей считают, что главной причиной символизма на различных территориях в разное время могла быть именно необходимость выработки специальных способов хранения и передачи культурной информации; в дальнейшем формы символизма эволюционировали, меняли функции, утрачивая при этом утилитарный смысл [3; 6]. Именно такая

парадигма лежит в основе современных исследований феномена «палеолитического искусства», как и иных форм знаковой деятельности. Проблема генезиса символизма, как свидетельства современного поведенческого комплекса, активно обсуждается в рамках дискуссии о становлении культуры человека современного физического типа. Но последние данные говорят о том, что символизм как базовый маркер, опускается до рубежа около 200 тыс. л. н. [3].

Ранние признаки знакового поведения, выраженные через систему персональной орнаментации, или «нательных украшений» (Бедфорд в Англии, Гешер-Яков в Израиле, Эль-Грейфа в Ливии, Репполуст в Австрии и др.); появление петроглифов (Дараки-Хаттан и Бхимбетка в Индии, Коранаберг в Калахари); протоскульптуры (Берехат-Рам в Израиле, Тан-Тан в Марокко); многочисленных, но не бесспорных гравировок кости или скорлупы в Европе и Африке; свидетельства использования пигмента – уверенно относят появление символизма как формы поведения к ашельскому времени [3; 7; 8]. Можно обозначить подобную группу явлений в качестве маркеров личного статуса, групповой или индивидуальной самоидентификации, предметов культовых действий, украшений, способов передачи информации, музыкальных инструментов и т.п. Изобразительные символы могли выступать как средства социальной коммуникации, имеющие адаптивное значение и играющие определенную роль в жизнеобеспечении и структуре верхнепалеолитических сообществ [3; 9; 10]. В дальнейшем с развитием видов знакового творчества происходило, вероятно, и изменение основной функции предметов; традиционные формы могли утрачивать первичное значение и становились элементами иной культурной (знаковой) системы. В любом случае, необходимость выработки специальных вспомогательных способов хранения и передачи культурной информации древним человеком

* Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект 25.1.7

является основным элементом в распространении поведенческого комплекса.

Гравировка как вид декорирования отмечается в археологических материалах нижнего и среднего палеолита. Обсуждение хронологии и характера меток, выемок, линий, технология нанесения и пр. – отдельная тема. В нашем случае для описания предметов употребляется термин «орнаментация», подчеркивающий тем самым определенную, повторяющуюся организацию простого элемента (линии, насечки, нарезки, выемки). Из последних открытий хотелось бы отметить сенсационные результаты исследований группы Университета Бордо-1 (Франция) под руководством П.Ж. Тиксиера в пещере Дипклоф (Южная Африка): древнейших символических изображений (орнамента) в виде параллельных и скрещенных линий, вырезанных на скорлупе яиц страуса. Находки происходят из слоев, датированных около 60 тыс. л. н. и ассоциируются исследователями с деятельностью человека современного физического типа. Подобные находки известны и в более ранних комплексах пещеры Бломбос, датируемых около 75 тыс. л. н., что позволяет ставить вопрос о более раннем возрасте графической традиции, чем предполагалось [11].

Выделение красящего вещества в качестве компонента знаковой деятельности обсуждается уже относительно материалов ашельского возраста. Применение пигмента восходит ко времени около 800 тыс. л. н. и считается вполне обычным явлением около 300 тыс. л. н. на трех основных континентах [7; 12]. В верхнепалеолитическую эпоху использование пигмента в качестве личностных маркеров, элементов ритуальной практики, знаков языка, натальной живописи и т. п. – является устойчивым компонентом культуры повсеместно.

Музыкальная деятельность является одной из важных составляющих знакового поведения, характеризующего комплекс культуры и поведения человека современного физического типа. Серия костяных флейт и свистков в раннеориньякских комплексах Европы (в Бельгии, Франции, Германии, Австрии) указывает на существование устойчивых музыкальных традиций на рубеже 40 тыс. л. н. В общей сложности количество находок, интерпретируемых как музыкальные инструменты (палеолитические флейты и/или свистки, ударные инструменты, трещотки, идиофоны и т. п.), составляет более 230 предметов [13].

Необходимо отметить, что основные признаки знакового поведения (и как комплекса, и как отдельных

Территория	Памятник, слой	Датировка (тыс. л. н.)	Материалы	Публикация
Монголия	Толбор-4, культ. гор. 5	>41	Бусины (скорлупа яиц страуса)	не опубликовано
	Толбор-15, культ. гор. 7	29–30	Бусины (скорлупа яиц страуса)	не опубликовано
	Доролж-1 (Эгийн-Гол)	30–32	Бусины (скорлупа яиц страуса)	[15]
Забайкалье	Подзвонкая	30–44	Бусины, кольца, подвески (скорлупа яиц страуса, камень, кость)	[16]
	Хотык (уровень 2, 3)	28–38	Бусины, подвески, кольца (камень, кость, раковины моллюска)	[17]
	Каменка (А)	30–40	Бусины, пронизки, фрагмент диадемы, фигуративные изделия из кости (камень, кость, скорлупа яиц страуса, бивень)	[17]
	Варварина Гора (уровень 2)	29–35	Бусины, подвеска (камень)	[17; 18]
	Толбага	26–35	Подвески, скульптура (кость)	[19]
Приангарье	Переселенческий пункт I (стоянка Герасимова)	25–35	Изделия (камень)	[20]
	Военный Госпиталь	22–30	Бусины, пронизки, изделия (кость, бивень)	[21]
	Щапово		Подвеска	[22]
	Усть-Кова	27–32	Бусины, скульптура (бивень)	[23]
Алтай	Денисова пещера, слой 11	29–48	Бусины, пронизки, подвески, браслет, изделия (камень, кость, зубы)	[14; 24; 25]
	Пещера Страшная, слой 3 (гор. 2)	27–30	Подвеска (кость)	[26]
	Кара-Бом (уровень 5)	40–44	Подвески (кость)	[24]
	Усть-Каракол, слой 9	29–34	Подвеска (камень)	[24]
	Малояломанская пещера	30–34	Подвеска (зуб)	[24]
	Усть-Канская пещера (привходная площадка)	?	Подвеска (кость)	[27]
Кузнецкий Алатау	Малая Сья	25–35	Бусины, подвески, изделия, скульптура (камень, кость, рог)	[28; 29]

его элементов) в археологических коллекциях и культурных горизонтах ранней стадии верхнего палеолита Сибири выявлены на ряде хорошо изученных стратифицированных археологических местонахождений.

Сибирскими исследователями получена представительная серия предметов, свидетельствующих о существовании символической, знаковой деятельности на ранних этапах формирования культуры. Обозначенные комплексы в технологическом отношении устойчиво ассоциируются с пластинчатыми индустриями начального этапа верхнего палеолита [14]. Сегодня коллекцию изделий представляют более 150 предметов из кости, скорлупы, камня, раковин, бивня. Артефакты обнаружены при раскопках стратифицированных комплексов Монголии (раскопки С.А. Гладышева, Ж. Жобера), Забайкалья (раскопки М.В. Константинова, Л.В. Лбовой, В.И. Ташака), Приангарья (раскопки Г.И. Медведева, Н.И. Дроздова и др.), Алтая (раскопки С.И. Руденко, А.П. Деревянко, В.Т. Петрина, М.В. Шунькова, А.Н. Зенина и др.).

Большая часть материалов не опубликована, часть находок имеет неоднозначную хроностратиграфическую позицию, некоторые рисунки без сопровождения фотографиями не вполне адекватно отражают сам артефакт и т. д. Эти обстоятельства значительно затрудняют дальнейшие работы по классификации, интерпретации и поиску аналогий. В целом комплексы датированы в пределах 28–30 – 40–50 тыс. л. н., в технологическом отношении литопроизводства характеризуют начальный этап верхнего палеолита, и в целом большинство исследователей ассоциирует их с культурой человека современного физического типа (см. таблицу).

Предварительная классификация позволяет разделить всю коллекцию изделий по функциональному признаку на три группы:

- предметы персональной орнаментации, или нательные украшения со сверлением (бусины, подвески, кольца, браслеты, диадемы);
- предметы неизвестного назначения (простых и сложных форм, орнаментированные и неорнаментированные);
- предметы объемного моделирования (скульптура).

Нужно отметить, что орнаментация сибирских изделий, происходящих из комплексов начальной стадии верхнего палеолита, – явление довольно редкое, но имеет место. Орнаментация выглядит как устойчивый элемент, хорошо освоенный человеком в технологическом отношении. Декор встречается в комплексах Хотык, уровень 2 [30], Малая Сья [29], Подзвонкая [16], Переселенческий пункт-1 (Герасимова) [20]. В этих случаях зафиксирован простой вариант орнамента – регулярные насечки, радиально оформляющие тело или элементы изделия (отмечаются плоские и объемные варианты). Элементы декора и морфология изделий вызывают особый интерес ко всему культурному комплексу этих памятников. Необходимо отметить технологическую устойчивость декорирования предметов, законченность композиции и формы в целом. Выявленные элементы орнамента и сами предметы

обнаруживают сходство с элементами аналогичных (морфологически и хронологически) изделий европейских памятников: предметы из белемнита в Костенках-17 на Русской равнине (Хотык); Миток Малул Галбен в Румынии (Малая Сья и Переселенческий пункт-1).

Следы пигмента и артефакты со следами использования (шарики охры, «мелки» из гематита, кусочки минерала со следами истертости, следы охры на предметах и т. п.) отмечены во многих культурных слоях раннего верхнего палеолита Сибири (Кара-Бом, Малояломанская пещера, Подзвонкая, Каменка, Варварина Гора, Толбор-15 и др.). Нужно отметить, что применение различных красок (красной, черной, белой, зеленой, желтой) отмечается исследователями как компонент культурного слоя, так и в качестве следов на артефактах (Кара-Бом, Хотык, Каменка, Малая Сья, Подзвонкая и др.) [14–17; 24; 28; 30].

Находки музыкального творчества в археологических коллекциях, датированных ранним этапом верхнего палеолита на территории Сибири, являются крайне редким явлением. Тем не менее в комплексах забайкальских опорных местонахождений Хотык, Каменка-А и Подзвонкая (35–45 тыс. л. н.) были обнаружены предметы, которые могут быть квалифицированы как свистки и их фрагменты, свистковая флейта [31].

Сибирские материалы начальной стадии верхнего палеолита вполне корректно выглядят в стадийном и территориальном контекстах. В целом артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом отношении древнейшего в Евразии комплекса предметов с устоявшейся системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Персональная орнаментация, антропоморфные или зооморфные предметы, примитивные музыкальные инструменты, парциальные погребения животных, широкое использование красящих пигментов характеризуют довольно ранний этап становления знаковой культуры человека в Сибири практически одновременно с процессами, происходящими на территории Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rethinking the human revolution / eds. Mellars et al. McDonald Institute Monograph, 2007 [GN 281 Ret].
2. Klein R.G. Archeology and the evolution of human behavior // *Evolutionary Anthropology: Issues, News and Reviews*. 2000. Vol. 9.
3. D'Errico F.C., Henshilwood G. Lawson, et al. Archaeological evidence for the origins of language, symbolism and music: an alternative multidisciplinary perspective // *Journal of World Prehistory*. 2003. Vol. 17.
4. Mellars P. The Impossible Coincidence A Single – Species model for the Origins on Modern Human Behavior in Europe // *Evolutionary Anthropology*. 2005. Vol. 14.
5. Вишняцкий Л.Б. Информационный взрыв и изобразительная деятельность // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2005. № 1 (21).
6. Mithen S. *The Prehistory of the Mind*. L., 1996.
7. Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М., 2004.
8. Беднарник Р. Интерпретация данных о происхождении искусства // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. № 4 (20).

9. Barton C.M., Clark G.A., Cohen A.E. Art as information explaining Upper Palaeolithic art in Western Europe // *World Archaeology*. 1994. Vol. 26, N 2.
10. D'Errico F., Vanhaeren M. Evolution or Revolution? New Evidence for the Origin of Symbolic Behaviour In and Out of Africa // *Rethinking the Human Revolution* / eds. P. Mellars K. Boyle, O. Bar-Yosef C. Stringer Chris. Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2007. P. 275–286.
11. Texier P.J., Porraz G., Parkington J. et al. Howiesons Poort tradition of engraving ostrich eggshell containers dated to 60000 years ago at Diepkloof Rock Shelter, South Africa // *Proceedings of the National Academy of Science USA*. 2010. April, 27. № 107 (17).
12. D'Errico F., Vanhaeren M., Henshilwood C. et al. From the origin of language to the diversification of languages: What can archaeology and palaeoanthropology say? // *Becoming Eloquent: Advances in the emergence of language, human cognition, and modern cultures*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 13–68.
13. Morley I. The evolutionary origins and archaeology of music // Darwin College Research Report DCRR-002, Cambridge: Cambridge University, 2003.
14. Дервянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск, 2009.
15. Jaubert J., Bertran P., Fontugne M. et al. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie Dörölj-1 (Egiin-Gol): Analogies avec les données de l'Altai et de Sibirie. Oxford: Archaeopress, 2004. P. 225–241.
16. Таишак В.И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // *Зап. ИММК РАН*. 2009. № 4.
17. Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000.
18. Окладников А.П. Отчет об археологических работах Саянского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР за 1977 г. Новосибирск, 1978 (рукопись).
19. Константинов М.В. Каменный век восточной провинции Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994.
20. Коган С.А., Литвина Е.А., Медведев Г.И. и др. Палеолитическое местонахождение Герасимова-I: новая жизнь Переселенческого пункта-I // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г.* Новосибирск, 2007. Т. 13. С. 110–113.
21. Черский И.Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // *Изв. СО РГО*. Иркутск, 1872. Т. 3, № 3.
22. Козырев А.С., Слагода Е.А. «Щапово» – новое георхеологическое местонахождение верхнего плейстоцена в г. Иркутске // *Антропоген. Палеоантропология, георхеология, этнология Азии*. Иркутск, 2008. С. 81–89.
23. Васильевский Р.С., Дроздов Н.И. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // *Пластика и рисунки древних культур*. Новосибирск, 1983. С. 59–65.
24. Дервянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшие проявления символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2003. № 3 (15).
25. Дервянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2008. № 2 (34).
26. Зенин А.Н. Отчет об археологических исследованиях пещеры Страшная в 2006 г. Новосибирск, 2007 (рукопись).
27. Руденко С.И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // *МИА*. 1960. № 79.
28. Ларичев В. Е. Скульптура черепахи с поселения Малая Сья и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека // *У истоков творчества*. Новосибирск, 1978. С. 32–69.
29. Холошкин Ю.П. Поселение Малая Сья – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур *Homo sapiens* в Северной Азии // *Астроархеология – естественнонаучный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии*. Красноярск, 2009. С. 137–145.
30. Лбова Л.В., Волков П.В. Технология изготовления нателенных украшений в эпоху верхнего палеолита (материалы местонахождения Хотык, Западное Забайкалье) // *Вест. НГУ. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография.
31. Лбова Л.В., Волков П.В., Кожевникова Д.В. Свидетельства древнейших музыкальных традиций в археологии Сибири (начальная стадия верхнего палеолита) // *Вест. Новосиб. гос. ун-та Серия: История, филология*. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография.